

DOI 10.18522/2415-8852-2023-1-36-52

УДК 82.2-1/-19

ОБРЕТЕНИЕ СОБЫТИЙНОСТИ В РУССКОЙ НЕКАНОНИЧЕСКОЙ ИДИЛЛИИ

Владимир Иванович Козлов

доктор филологических наук, главный редактор медиа о поэзии “Prosodia” (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: kozlov.prosodia@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8186-4131

Оксана Сергеевна Мирошниченко

кандидат филологических наук, доцент, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: osmiroshnichenko@sfedu.ru

ORCID: 0000-0001-5716-3888

Аннотация. В статье предложено решение проблемы событийности, характерной для жанра стихотворной идиллии в русской поэзии XIX–XXI веков. Рядом исследователей этот жанр определяется как «бессобытийный», однако это обусловлено, скорее, смещением акцента в восприятии идиллического наследия. В частности, именно идиллия в неканоническую эпоху используется рядом поэтов как образ «готового слова», которое в ситуации жанровой борьбы за право завершить лирическое целое обычно распадается. В таком случае стихотворения, использующие идиллические топосы, как правило, завершаются по моделям других лирических жанров – элегии, послания, баллады.

Однако существует творческая стратегия работы с идиллией, при которой событийность, характерная для жанра, оказывается находимой в результате жанровой борьбы. В таком случае в совершающемся событии лирического высказывания обретается идиллическое событие ценностного слияния, совпадения поэтического сознания с миром, проходящее через испытание сюжетикой других лирических жанров. Устранение границы внутреннего и внешнего мира, – предзаданное в канонической идиллии и обретаемое в неканонической, – можно считать зерном жанра, пережившим канон в отличие от остальных жанровых условностей, оказавшихся факультативными. При этом неканонический вариант реализации идиллического ракурса мировидения – это отвоеванный у неидиллического мира недолгий миг покоя, который хочется повторить. Рефлексия выполняет разрушительную функцию в столкновении с предзаданным «готовым словом» жанра, но оказывается способной произнести его заново как слово собственное, обнажив его событийность. Именно обнаженность специфической событийности идиллии становится отличительно чертой жанра в неканоническую эпоху.

Ключевые слова: русская поэзия, неканоническая эпоха, лирические жанры, жанровый анализ, лирический сюжет, событийность, лирическое событие, идиллия, элегия

Категория события традиционно рассматривается в литературоведении в свете более широкого понятия сюжета. Вопросы лирической сюжетологии стали наиболее актуальными для исследователей, начиная со второй половины XX в. Не только природа лирического события, но и более широкий вопрос о самом существовании особенного лирического сюжета рассматривались долгое время в контексте распространенной точки зрения, что лирика как род литературы бессобытийна и бессюжетна (см., например, тезис В.М. Жирмунского «Лирика – несюжетный жанр» [Жирмунский: 375]). Важным этапом в развитии лирической сюжетологии стали работы В.А. Грехнева [Грехнев 1977; Грехнев 1994]. Осторожно заявляя лирический сюжет элементом индивидуального стиля Пушкина, исследователь описал, по сути, универсальный инструментарий работы с любым лирическим сюжетом. На основе понимания специфики лирического события как опоры сюжета и лирической ситуации как исходной точки художественного мира лирического произведения В.А. Грехнев писал о сущности сюжета в лирике:

«...исторгнутая из причинно-следственных связей, закрепляющих ее в контексте эпического события, ситуация лирического произведения не имеет иных опор, кроме тех, которые вытекают из внутренней экспрессивно-содержательной завершен-

ности лирического мгновения <...> Мгновенный ракурс на событие, которое несет в себе лирический сюжет, пронизан такой энергией лирического переживания, которая способна прочно спаять все предметно-событийные детали лирической ситуации в единое целое» [Грехнев 1977: 7–8].

После этого, начиная с 1980-х гг., в исследованиях лирики постепенно укреплялось представление о лирическом сюжете как динамике переживания, которая неотрывна от развертывания самого лирического высказывания. Если рассматривать мир лирического произведения в его развитии от первого слова до последнего, все элементы этого мира приобретают свою значимость именно в контексте лирического сюжета, который разворачивает исходную лирическую ситуацию, конкретизируясь в лирических мотивах, связывающих ключевые образы [Левин; Силантьев; Козлов 2009].

При этом одной из проблем лирической сюжетологии является специфика лирического события. Событие в художественном произведении, понимаемое широко, описано, в том числе, в одной из формул Ю.М. Лотмана – «перемещение персонажа через границу семантического поля» [Лотман: 282] – и мыслится как факт пересечения или столкновения разных ценностных контекстов, как нетривиальная ценностная встреча, которая изменяет, преобразует состояние и образ мысли вовлеченных в нее субъектов.

Лирическое событие в подавляющем большинстве случаев происходит в поэтическом сознании лирического субъекта, именно там, как правило, проявляется ценностная встреча человека с миром, в каком бы виде она ни была выражена. По словам И.В. Силантьева, лирическое событие – это «качественное изменение состояния лирического субъекта, несущее экзистенциальный смысл для самого лирического субъекта и эстетический смысл для обращенного к читателю лирического сюжета» [Силантьев: 87]. Поэтому собственно лирическая событийность (за исключением баллады) может быть определена как «внутренняя» или «ментальная» [Тюпа 2010: 24]: здесь событие предстает своего рода метанойей, озарением, просветлением или даже прозрением, влекущим – в пределах данного лирического высказывания – необратимое изменение мировидения или мироощущения субъекта.

Важный аспект проблемы лирического события лежит в области исторической поэтики и состоит в том, что лирика канонической эпохи, работая с «готовым» жанровым словом, не предполагала самой возможности «качественного изменения состояния» лирического субъекта: событие по определению оспаривает и нарушает любую «норму». О лирическом событии, по-видимому, можно говорить с того момента, когда, «готовое слово» разрушается, происходит выход за рамки стилевой и жанровой нормы и их индиви-

дуально-авторская ревизия. Трудно не согласиться с исследователем Е.Н. Григорьевой в том, что «историю развития лирического рода можно осмыслить как историю возникновения и развития лирического события» [Григорьева: 102]. По мнению ученого, событийность лирического текста в полной мере себя проявляет именно в неканоническую эпоху, когда лирика становится событийна не только как «высказывание о случившемся», но и «как случившееся высказывание» [Там же: 103]. Применительно к русской поэзии Е.Н. Григорьева считает моментом появления событийности время разрушения «школы гармонической точности», когда «готовое слово» начинает оспариваться непредсказуемостью лирического дискурса, который мотивирован индивидуальной эмоцией, порожденной конкретной и единичной ситуацией [Там же].

При этом во всяком свершающемся в последние два века *событии лирического высказывания*, как представляется, ключевую роль играет момент борьбы разных лирических жанров за право эстетически завершить художественное целое [Бахтин]. В неканоническую эпоху жанр уже не «предзадан» автору, но становится «итоном творческого акта», феноменом, «находимым» в процессе завершения произведения как целого, обретаемым в процессе жанровой борьбы [Бройтман]. Лирическое высказывание неканонической эпохи, двигаясь от первого слова

к последнему, может сочетать в развитии лирического сюжета самые разные жанровые элементы и ингредиенты: ситуации, мотивы, топосы, способы субъектной организации и пр. Но, разумеется, находимое и найденное жанровое решение как способ эстетического «завершения» в совершающемся событии лирического высказывания во многом определяется типом жанрово обусловленного лирического события, которое совершается («случается») *внутри* художественного мира.

Если говорить о «событийном коде» [Шмид] различных жанров в неканонической лирике, то в зоне наибольшей очевидности лежит событийность баллады, основанная на пересечении границы между мирами – земным и потусторонним. Гораздо более сложно устроена, но не менее ярко выражена основа событийности в элегии и послании. Оба этих жанра в неканоническую эпоху развиваются как пространство поэтической рефлексии о распавшемся единстве природы, культуры и индивидуально-личностного бытия. В основе лирического события в послании лежит инициированный лирическим субъектом контакт – встреча – с другим индивидуально-неповторимым сознанием и его системой ценностей. В элегии во всем богатстве ее разновидностей в поэзии последних двух веков событийность базируется на нарушающем будничное существование человека экзистенциальном моменте переживания ценностной встречи – но всегда че-

рез осознание несовпадения – поэтического сознания с «другим», отстоящим во времени. Варианты этого «другого» разнообразны: им может быть как век, поколение, ценности предков, так и личное прошлое, воспоминание, утраченное и несбывшееся. На почве подобной «встречи» вырастает магистральная сюжетика элегии – переоценка настоящего в ценностном свете прошлого или «большого времени» [Козлов 2013].

Из числа лирических жанров наибольшую сложность для определения типа события представляет стихотворная идиллия. На первый взгляд, в художественном мире идиллии ничего не происходит, что часто приводит исследователей к декларированию его «бессобытийности». Так, ведущая исследовательница идиллии в современной русской поэзии в ряде своих работ (см., например, [Балашова 2013; Балашова 2018]) постулирует, что «...поэзия XX–XXI вв. представлена текстами, которые ... принципиально асобытийны, в них нет и не может быть события – это инвариантная черта идиллии» [Балашова 2018: 2]. Однако, если исходить из того, что лирическое событие – одна из универсалий художественного мира лирического произведения, и вспомнить мысль Ю. Тынянова о том, что «конструктивный принцип познается не в максимуме условий, дающих его, а в минимуме» [Тынянов: 40], то поиск событийного жанрового кода в наиболее анарративных лирических жанрах, сам канон которых не располагал

к возникновению событийности, должен быть признан задачей особой важности для понимания как сущности жанра, так и лирического события как такового.

При рассмотрении природы идиллического события в русской лирике последних двух веков необходимо учесть две принципиально разные творческие стратегии в работе с идиллией и функционирования идиллической топики в событии лирического высказывания. Контекст этих стратегий определяющим образом влияет на восприятие жанровой событийности лирического высказывания в идиллии.

Первый контекст связан с ролью одного из самых условных и формульных жанров лирики, что уже с начала деканонизации лирики в первой половине XIX в. располагало к «служебному» использованию идиллии авторами. «Готовое слово» идиллии очень часто используется для того, чтобы быть в итоге разрушенным по ходу развития лирического сюжета стихотворения, причем такой подход характерен и для поэзии XX–XXI вв. Идиллический «локус» безмятежности, зафиксированный в условных образах пастушков с флейтами, вечного полдня и нимф среди оживающей природы, оказывается почвой для выхода поэтического сознания в другой – совсем неидиллический – мир «других»: людей, памяти, истории, культуры, а сама идиллия становится «предметом поэтической рефлексии» [Магомедова: 185]. В результате идиллический

образ мира оказывается либо развенчанным, либо утраченным. В этом случае стихотворение в жанровом отношении разрешается иным, неидиллическим способом, чаще всего – элегически: «Идиллию следует признать одним из “вторичных” истоков элегического жанра, поскольку элегии Нового времени часто строятся на отталкивании от идиллического мировосприятия» [Тюпа 2012: 25]. Изобразительность и описательность идиллического «уголка», вневременной хронотоп, «замораживающий» идеал в остановленном времени, сама ситуация гармонического единения человека с природой чаще всего выступают в памяти элегического субъекта невозвратно «утраченным раем», уже не идиллическим настоящим, а элегическим прошлым. Примеров только в золотом фонде русской элегии (чаще всего унылой или аналитической) XIX–XX вв. – множество: от «Деревни» А.С. Пушкина и «Как часто пестрою толпою окружен...» М.Ю. Лермонтова до «Одевания ребенка» Б. Ахмадулиной и «Без хозяина сад заглох...» О. Чухонцева:

Без хозяина сад заглох,
кутал розу – стоит крапива,
в вику выродился горох,
и гуляет чертополох
там, где вишня росла и слива.

А за свалкою у леска
из возгонок перегорелых

наркоты и змеевика
 граммофончик звенит вьюнка
 в inferнальных уже пределах.

Страшно мал, но велик зело,
 ибо в царстве теней пригрелся,
 пожирающий знак зеро.

Вот и думай, мутант прогресса,
 что же будет после всего,
 после сныти, болота, леса...

После лирики. После эпоса. [Чухонцев 2005: 290]

Перед нами развалины идиллии. Сила разрушения обозначена словом «прогресс», который порождает «мутантов», неспособных увидеть, «что же будет после всего», в том числе «после лирики», «после эпоса», которые изначально были частью «сада». В сюжетике этой элегии О. Чухонцева интересен разворот от описания утраченного рая к предсказанию еще более мрачного не просто пост-идиллического, но апокалиптического *будущего*. Здесь проявляется еще одна возможность разрушения идиллической поэтики, использованной лишь как точка отталкивания для создания другого жанрового высказывания: идиллическая топика использована не только для показа унылого настоящего, но и для событийно значимого мрачно-визионерского «пророчества». Такой поворот лирического сюжета характерен

для «метафизической» элегии, восходящей к символистской поэтике, – в ней элегическое переживание направлено на предопределенное будущее. Нередко для усугубления антиидиллической картины видения в такие сюжеты привносятся элементы и балладной поэтики («Полевая эклога» и «Пророчество» И. Бродского, «Овечка, я еще не знаю, не знаю...» И. Лиснянской, «Родная, мы будем жить здесь, где нет прохожих...» Б. Рыжего).

В развитии подобных лирических сюжетов идиллического события не может быть уже потому, что по способу художественного завершения стихотворения, использующие идиллическую топика таким образом, идиллиями в конечном счете не являются. Разрушение идиллического мира – это сюжет, который мы можем встретить исключительно за пределами идиллии. В приведенных стихотворениях никакого гармоничного сосуществования человека и природы не может быть: в итоге остается либо разрушенная природа, либо обезлюдевший, бес-человечный мир, – такой, который, например, обнаруживается в «страшных идиллиях» – а по сути, балладах – А. Цветкова, где природный мир поборол исключительность человека и живет в гармонии с самим собой:

там ящерицы в точности как мы
 встречать своих сбегаются к воротам
 и вечности песчаные холмы
 усеяны их маленьким народом. [Цветков]

Примечательно, что И. Бродский назвал свое большое стихотворение «Полевая эклога», задействуя только имя жанра, т. е. используя идиллию как «готовое слово» канонической эпохи, лишь с целью его разрушить в процессе развертывания лирического сюжета сначала средствами балладной поэтики, а затем – метафизической элегии с характерным переживанием предсказуемого «бесчеловечного» будущего для мироздания. Это поэтика, разыгрывающая сюжет финального забвения человеческого, разговор о человеке в виду его предстоящей окончательной смертности, взгляд на человека из эсхатологической перспективы.

К этой же жанровой стратегии можно отнести многочисленные «антиидиллии», о которых пишет Е.А. Балашова [Балашова 2018: 4], разрушающие идиллию именно как «готовое» жанровое слово.

Таким образом, в случае использования жанровой поэтики идиллии как «готового», в том числе бессобытийного, «слова», от которого надо оттолкнуться как от строительного материала при создании лирического высказывания, «завершаемого» в других жанрах – элегии, послания или баллады, – лирическое событие совершается по законам именно этих жанров. В таких стихотворениях поиск собственно идиллического события бессмыслен: идиллиями эти тексты в событии лирического высказывания не становятся.

Вторую творческую стратегию работы с идиллией в русской поэзии можно было бы назвать стратегией обретения жанра. Именно она в неканоническую эпоху породила пласт произведений, которые и стоит рассматривать как выполненные в жанре стихотворной идиллии. Речь идет о стихотворениях, в которых сюжет в событии лирического высказывания разрешается именно идиллически, независимо от того, становится ли этот идиллический сюжет результатом жанровой борьбы или существует как самодостаточный. Наиболее интересны с точки зрения исследования стихотворения первого типа.

В XX в. идиллия играет заметную роль в творчестве поэтов, осознанно или нет воплощающих стратегию эскапизма. Можно попытаться определить событийную основу сюжета современной идиллии как *обретенное*, в том числе и *в процессе события лирического высказывания, ценностное слияние, совпадение поэтического сознания с миром*, наиболее часто представленное осознанным растворением лирического субъекта (в качестве человека с его личной судьбой или человека вообще в контексте общечеловеческой истории и культуры) в картине природы или окружающего мира в целом. Разворачивание сюжеттики вчувствования, эмоционального «прочтения» изображающим сознанием того, что изображено, устраняет границу между внешним и внутренним. Отсутствие такой

границы, – предзаданное в канонической идиллии и обретаемое в неканонической, – можно считать зерном жанра, пережившим канон в отличие от остальных жанровых условий (персонажей, топосов, предметных деталей и пр.), в неканоническую эпоху оказавшихся совершенно факультативными.

Зачастую в сюжете современной идиллии происходит снятие условной границы не только между природой и человеком, но и между природой и культурой, представляющей человека, как это происходит, например, в заглавном стихотворении последней стихотворной книги Б. Пастернака «Когда разгуляется», где картина созерцания природы в центральных строках постепенно начинает превращаться в картину службы в соборе. Текст, начинавшийся как пейзаж, заканчивается его полным переводом в пространство культуры:

Как будто внутренность собора –
Простор земли, и чрез окно
Далекий отголосок хора
Порою слышать мне дано.

Природа, мир, тайник вселенной,
Я службу долгую твою,
Объятый дрожью сокровенной,
В слезах от счастья отстою. [Пастернак: 414]

Образ «долгой службы», в котором сливаются человеческая жизнь, природное бытие

и пространство христианской культуры, не только позволяет найти точку идиллической остановки сюжетного времени, но и обозначает стремление эту точку зафиксировать. Важно, что слияние поэтического сознания и мира буквально обретается в самом процессе развертывания лирического высказывания, и осознание его «в слезах от счастья» – пик развития сюжета. Как отмечает В.И. Тюпа:

«Позднейшие идиллии посттрадиционалистской эпохи <...> часто осваивают медитативный вектор перформативности, ориентируются на авторефлексию, на субъективное переживание повседневно в идиллической модальности. <...> Но это не нормативный покой экологии. Стихотворение организовано авторефлексивным актом идиллической сосредоточенности. <...> Перед нами своего рода заклинание: остановись, мгновенье, ты прекрасно! Но здесь не фаустианская рефлексия достигнутой и скульптурно застывшей вечности. Идиллическая рефлексия жаждет бесконечного ряда повторений одних и тех же ситуаций бытия» [Тюпа 2012: 21–22].

Лирическая ситуация, напрямую «тематизирующая» подобный образ мира современной идиллии, развернута в знаменитом стихотворении Пастернака из той же книги стихов – «Единственные дни». Здесь условность идиллического времени известна лирическому субъекту и идиллическая картина

мира сталкивается с неидиллической (элегической), хотя и ценностно ее перевешивает в финале. С одной стороны, «единственность» дней «солнцеворота» становится событием, циклически повторяемым и счастливо разделяемым с другим («Нам кажется, что время стало»). С другой стороны, это «кажется» вводит иной ракурс видения. Лирический субъект, обретший идиллический миг, сосуществует с собою «другим» – выделяющим «единственные дни» успокоительного круговорота в ином, нециклическом времени («Я помню их наперечет...») и знающим, что «дольше века» длится лишь день «солнцеворота». Таков неканонический вариант реализации идиллического ракурса мировидения, «стратегии покоя» – это *отво-еванный у неидиллического мира недолгий миг покоя*, который хочется повторить.

Стоит отдельно обратить внимание: приведенные примеры показывают, что неканоническая идиллия не только не боится рефлексии, которую исследователи привычно называют ключевым фактором разрушения идиллического мира, – *неканоническая идиллия в существенной степени – результат подобной рефлексии, т. е. осознанного выбора творческой стратегии*. Рефлексия выполняет разрушительную функцию в столкновении с предзаданным «готовым словом» жанра, но оказывается способной произнести его заново как слово собственное – обнажив его событийность.

Жанровая рефлексивность неканонической идиллии нередко может подчеркивать идиллическое событие обретенного слияния человека с природой *внезапностью* этого переживания. Тогда внутреннее единство с миром предстает в виде настигнувшего «здесь и сейчас» озарения, «прорыва» к простоте и гармоничности мироустройства. Вот как, например, это представлено в идиллиях О. Чухонцева: «Заплачет иволга, и зацветет жасмин. / И догадаешься: ты в мире не один» [Чухонцев 1997: 136]; «Черемуха из-под дождя, / пятилепестковая одурь, / тебя я услышал, поодаль / от ярких рядов проходя» [Там же: 91]; «Когда, как сто сорок, стручки акаций / трещат в садах, а птицы ни одной, / я думаю: как радостно сказать / хотя бы этой знойной тишиной» [Там же: 107]; «Черемуха в овраге. Соловей. / Благоухает та, а этот свистит. / Душе довольно простоты своей, / которая сама с себя и взыщет» [Там же: 179].

Но за скобками обретенного на наших глазах идиллического состояния всегда подразумевается совсем не идиллическое время и пространство, от которого идиллия себя пытается оградить.

В развитии сюжета современных идиллий можно наблюдать, как за счет осознанного ценностного растворения в мире природы происходит демонстративное снятие исторической, социальной и даже индивидуально-психологической повестки, сознательное бегство от неидиллической картины мира, от

разъедающей гармонию рефлексии о несправедливом мире, характерной для других жанров. Так, в идиллическом событии высказывания центром сюжета может стать «развенчание» драматизма или трагизма, свойственных лирическому субъекту других неканонических жанров, чаще всего – исторической или унылой элегии, гораздо реже – баллады [Мирошниченко]. В некотором смысле событие лирического высказывания в современной идиллии разворачивается с оглядкой на элегию – оно состоит в отказе от рефлексивного разлада человека и мира, в не-выборе элегического взгляда на мир. Напомним, что в предыдущей, описанной выше стратегии работы с жанром, напротив, элегическое событие высказывания существовало с оглядкой на развенчанную идиллию. Можно привести пример того, как идиллия пишется с оглядкой на элегию, – из поэзии А. Кушнера:

Евангелие от куста жасминового,
Дыша дождем и в сумраке белея,
Среди аллей и звона комариного
Не меньше говорит, чем от Матфея.

Так бел и мокр, так эти грозди светятся,
Так лепестки летят с дичка задетого.
Ты слеп и глух, когда тебе свидетельства
Чудес нужны еще, помимо этого.

Ты слеп и глух, и ищешь виноватого,
И сам готов кого-нибудь обидеть.

Но куст тебя заденет, бесноватого,
И ты начнешь и говорить, и видеть. [Кушнер:
132–133]

В этой идиллии именно рефлексирующий герой, «ищущий виноватого», обиженный и одинокий («бесноватый»), объявлен «слепым» и «глухим» к «свидетельствам чудес», к благой вести, носителем которой выступает природа. В то же время сам лирический субъект предстает уже пересекшим, устранившим границу между внутренним и внешним, пережившим событие вчувствования, в результате получившим способность «и говорить, и видеть» и самому нести «благоую весть». Здесь в жанре идиллии, таким образом, разворачивается своеобразная критика элегического сознания.

В каноническую эпоху в пасторальной поэзии часто присутствовал подобный дидактизм: хранитель идиллического пространства оберегает его от сил зла, которые искушают обитателя этого пространства извне. В идиллиях А. Кушнера нередко актуализируется этот аспект памяти жанра.

Нагляднее всего представлена охранительная стратегия идиллического мирообраза как раз случаях его столкновения с теми жанровыми мирами, которым идиллическое противопоставлено сильнее всего: это, к примеру, «тревожный» мир баллады или беспокойный мир исторической элегии с его «большим» линейным временем. Именно так

происходит в самом известном стихотворении Кушнера «Времена не выбирают...», где в основе лирического сюжета – специфический для художественного мира идиллии отказ от временного (современного) в пользу вневременного (вечного).

Поэтическое сознание здесь помещено в лирическую ситуацию исторической элегии с ее особенным лирическим субъектом – собирательным современником (поколенческое «ты»). Основной сюжет исторической элегии чаще всего развивает тематику коллективного опыта преемственности или его отсутствия между поколениями. В сюжетике стихотворения Кушнера ситуация исторической элегии – «век мой, рок мой...» – снимается. Дважды аранжируется рефреном (будто риторически подтверждая идиллический круговорот) – «Что ни век, то век железный. / Но дымится сад чудесный, / Блещет тучка...» [Кушнер: 124] – мысль о том, что во все века жить страшно, а образ сада должен переключить современника в иную ценностную плоскость. «Век железный» – любое историческое время, но параллельно ему существует не подвластный времени «сад чудесный», в который можно совершить побег, снимая все попытки разобраться со всегда «роковой» для человека современностью: «Не завидуй никому». Обретенное «чудо» идиллического покоя – гарантированное спасение от «испытания временем». В этом сюжете сама концепция идиллического времени экс-

плицитно противопоставлена времени историческому, в результате идиллия сталкивается в жанровой борьбе с исторической элегией – и побеждает.

Идиллическое бегство от рефлексирующего субъекта проявляет себя и в том, что в идиллии не оказывается места для лирического героя, для его бурной и противоречивой внутренней жизни. Помимо лирического «я» здесь могут появляться обобщенные «мы» или «ты». Предельным вариантом растворения лирического субъекта в природе становятся внеличные формы субъектности, когда поэтическое сознание осознанно не вычленяется из картины природы. В таких картинах, когда человек вовсе отсутствует в пейзаже, происходит переключение внимания с рефлексирующего человека на *очеловеченную природу* – она становится носителем поэтического сознания. Тогда событийность произошедшего с человеческим сознанием в такой поэзии остается как бы за скобками текста: идиллическое событие ценностного слияния поэтического сознания с миром произошло еще до начала события лирического высказывания. В вершинных образцах такого рода лирической ситуации перед нами предстает идиллия *par excellence* – например, «Март» Б. Пастернака. Подобные ситуации типичны и для современной пейзажной лирики. Однако, примечательно, что такие тексты могут восприниматься как наиболее архаичные и даже вторичные. Это лишний раз

доказывает, что идиллия и сегодня звучит современно тогда, когда добывает собственную событийность в жанровой борьбе.

Литература

Балашова, Е.Н. Бессобытийность как структурообразующий признак идиллии // Вестник ЦМО МГУ. 2013. № 2. С. 78–85.

Балашова, Е.Н. Традиции стихотворной идиллии в современной русской литературе // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. № 5 (17). 2018. С. 1–5.

Бахтин, М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Работы 20-х годов. Киев: Next. 1994, С. 257–321.

Бройтман, С.Н., Магомедова, Д.М., Приходько, И.С., Тамарченко, Н.Д. Жанр и жанровая система в русской литературе конца XIX – начала XX века // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. М.: ИМЛИ РАН, 2009. С. 5–76.

Грехнев, В.А. Лирический сюжет в поэзии Пушкина // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1977. С. 4–10.

Грехнев, В.А. Мир пушкинской лирики. Нижний Новгород: Изд-во «Нижний Новгород», 1994.

Григорьева, Е.Н. К проблеме лирического события // Событие и событийность:

Сборник статей / под ред. В. Марковича и В. Шмида. М.: Издательство: Издательство Кулагиной – Intrada, 2010. С. 101–112.

Жирмунский, В.М. Введение в литературоведение. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996.

Козлов, В.И. Здание лирики. Архитектоника мира лирического произведения. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2009.

Козлов, В.И. Русская элегия неканонического периода. Очерки типологии и истории. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Кушнер, А. Таврический сад: Избранное. М.: Время, 2008.

Левин, Ю.И. Заметки о лирике // Новое литературное обозрение. 1994. № 8. С. 62–72.

Лотман, Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970.

Магомедова, Д.М. Жанры лирики // Теория литературных жанров / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Академия, 2011.

Мирошниченко, О.С. Столкновение идиллического и балладного начал в цикле «Стихотворения Юрия Живаго» // Литература в диалоге культур. Межвузовский научный сборник. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2014. С. 166–177.

Пастернак, Б.Л. Полное собрание стихотворений и поэм. СПб.: Академический проект, 2003.

Силантьев, И.В. Поэтика мотива. М: Языки славянской культуры, 2004.

Тюпа, В.И. Статус событийности и дискурсивные формации // Событие и событийность: Сборник статей / под ред. В. Марковича и В. Шмида. М.: Издательство: Издательство Кулагиной – Intrada, 2010. С. 22–36.

Тюпа, В.И. Генеалогия лирических жанров // Известия ЮФУ. Филологические науки. 2012. № 4. С. 8–31.

Тынянов, Ю.Н. Литературная эволюция: Избранные труды. М.: АГРАФ, 2022.

Цветков, А. Кони свободны // Знамя, 2018, № 1 [Электронный ресурс] URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=5129> (дата обращения: 1.02.2023).

Чухонцев, О. Пробегающий пейзаж. Стихотворения и поэмы. СПб.: Инапресс, 1997.

Чухонцев, О. Из сих пределов. М.: О.Г.И., 2005.

References

Balashova, E.N. (2013). Bessobytiinost' kak strukturoobrazuyushchij priznak idillii [Eventlessness as a structurally forming sign of idyll]. *Vestnik TSMO MGU* [Herald of International Center of Education of Lomonosov Moscow State University], 2, 78–85.

Balashova, E.N. (2018). Traditsii stikhotvornoj idillii v sovremennoj russkoj literature [Traditions of poetic idyll in

modern Russian literature]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo* [Scientific notes of Yaroslav Mudry Novgorod State University], 5 (17), 1–5.

Bakhtin, M.M. (1994). Problema sodержaniya, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve [The problem of content, material and form in verbal art]. *Bakhtin M.M. Raboty 20-kh godov* [Bakhtin M.M. Works of the 20s], 257–321, Kiev: Next.

Broitman, S.N., Magomedova, D.M., Prikhod'ko, I.S., & Tamarchenko, N.D. (2009). Zhanr i zhanrovaya sistema v russkoj literature kontsa XIX – nachala XX veka [Genre and genre system in Russian literature of the late XIX – early XX century]. *Poetika russkoj literatury kontsa XIX – nachala XX veka. Dinamika zhanra. Obshchie problemy. Proza* [Poetics of Russian literature of the late XIX – early XX century. Dynamics of genre. Common problems. Prose], Moscow: IMLI RAN, 5–76.

Chukhontsev, O. (1997). *Probegayushchii peizazh. Stikhotvoreniya i poemy* [Running landscape. Verses and poems]. Saint Petersburg: Inapress.

Chukhontsev, O. (2005). *Iz sikh predelov* [From this area]. Moscow: O.G.I.

Grekhnev, V.A. (1977). Liricheskii syuzhet v poezii Pushkina [Lyrical plot in the poetry of Pushkin]. *Boldinskie chteniya* [Boldino

readings]. Gorky: Volgo-Vjatskoje knizhnoje izdatel'stvo, 4–10.

Grekhnev, V.A. (1994). *Mir pushkinskoi liriki* [World of Pushkin lyrics]. Nizhny Novgorod: “Nizhnij Novgorod”.

Grigorieva, E.N. (2010). K probleme liricheskogo sobytiya [To the problem of lyrical event]. In V. Markovich, & V. Shmid (Eds.), *Sobytie i sobytiinost': sbornik statei* [Event and eventfulness: Collection of articles]. Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoj – Intrada, 101–112.

Kozlov, V.I. (2013). *Russkaya elegiya nekanonicheskogo perioda. Ocherki tipologii i istorii* [Russian elegy of the non-canonical period. Outline of typology and history]. Moscow: Jazyki slavyanskoj kultury.

Kozlov, V.I. (2009). *Zdanie liriki. Arkhitektonika mira liricheskogo proizvedeniya* [The building of lyrics. The architectonics of the world of lyrical work]. Rostov-on-Don: Southern Federal University.

Kushner, A. (2008). *Tavrisheskii sad: izbrannoe* [Tauride garden: selected works]. Moscow: Vremya.

Levin, Yu.I. (1994). Zametki o lirike [Notes on lyrics]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Review], 8, 62–72.

Lotman, Yu.M. (1970). *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the artistic text]. Moscow: Iskusstvo.

Magomedova, D.M. (2011). Zhanry liriki [Lyrical genres]. In N.D. Tamarchenko (Ed.),

Teoriya literaturnykh zhanrov [Theory of literary genres]. Moscow: Academia.

Miroshnichenko, O.S. (2014) *Stolknoveniye idillicheskogo i balladnogo nachal v tsicle “Stihotvoreniya Yuriya Zhivago”* [Collision of ballad and idyllic origins in the cycle “The Poems by Yuri Zhivago”]. *Literatura v dialoge kultur. Mezhvuzovskiy nauchnyj sbornik* [Literature in the dialogue of cultures. Collection of articles]. Rostov-on-Don: Southern Federal University, 166–177.

Pasternak, B.L. (2003). *Polnoe sobranie stikhotvoreniy i poem* [Collected poems]. Saint Petersburg: Akademicheskij proect.

Silantiev, I.V. (2004). *Poetika motiva* [Poetics of motif]. Moscow: Jazyki slavyanskoj kultury.

Tyupa, V.I. (2012). *Genealogiya liricheskikh zhanrov* [The genealogy of lyrical genres]. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskiye Nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], 4, 8–31.

Tyupa, V.I. (2010). Status sobytiinosti i diskursivnye formatsii [Eventfulness status and discursive formations]. In V. Markovich, & V. Shmid (Eds.), *Sobytie i sobytiinost': sbornik statei* [Event and eventfulness: collection of articles]. Moscow: Izdatel'stvo Kulaginoj – Intrada, 22–36.

Tynyanov, Yu.N. (2022). *Literaturnaya evolyutsiya: izbrannye trudy* [Literary evolution: selected papers]. Moscow: AGRAF.

Tsvetkov, A. (2018). Koni svobodny [Horses are free]. *Znamya*, 1, Retrieved from: <https://znamlit.ru/publication.php?id=5129> (date of access: 1.02.2023).

Zhirmunsky, V.M. (1996). *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary studies]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University.

Для цитирования: Козлов, В.И., Мирошниченко, О.С. Обретение событийности в русской неканонической идиллии // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 1. С. 36–52. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-1-36-52

For citation: Kozlov, V.I., Miroshnichenko, O.S. Eventfulness in Russian non-canonical idyll (2023). *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (1), 36–52. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-1-36-52

EVENTFULNESS IN RUSSIAN NON-CANONICAL IDYLL

Vladimir I. Kozlov, Dr. Habil. in Philology, Chief Editor of “Prosodia” (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: kozlov.prosodia@gmail.com

Oksana S. Miroshnichenko, PhD in Philology, Associate Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: osmiroshnichenko@sfnu.ru

Abstract. The article offers a solution to the problem of eventfulness, characteristic for the poetic idyll in Russian poetry of the XIX–XXI centuries. Due to a shift in emphasis in the perception of idyllic heritage, a number of scholars define this genre as “eventless”. In particular, it is the idyll in the non-canonical era that is used by a number of poets as a sign of a “consummate word”, which is usually disintegrated in genre struggle for the right to complete a lyrical whole. In this case poems, using idyllic topoi, as a rule, are completed according to the models of other lyrical genres, such as elegies, epistles, ballads.

However, there is a creative strategy for employing idyll, in which the eventfulness characteristic of the genre turns out to be found as a result of genre struggle. In this case, an idyllic event of value fusion, the coincidence of poetic consciousness with the world, passing through the test of the plot of other lyrical genres, is found in the event of a lyrical utterance. The elimination of the boundary between the inner and outer worlds (which is predestined in the canonical idyll and found in the non-canonical one) can be considered as the stem of the genre that survived the canon, unlike other genre conventions that turned out to be optional. At the same time, the non-canonical version of the implementation of the idyllic perspective of the worldview is a short moment of peace, won from the non-idyllic world, which one wants to repeat. Reflection performs a destructive function in a collision with a predetermined “ready-made word” of the genre, but it turns out to be able to pronounce it anew as a proper word, exposing its eventfulness. It is the nakedness of the specific eventfulness of the idyll that becomes a distinctive feature of the genre in the non-canonical era.

Key words: Russian poetry, lyrical genres, non-canonical era, genre analysis, lyrical plot, eventfulness, lyrical event, idyll, elegy

